

Посвящается Кейтилин

ПРОЛОГ

Дверь скрипнула, и Эмилия открыла глаза.

В темноте спальни разглядеть ничего не получалось, но она кожей чувствовала: у порога кто-то стоял. Сердце тревожно забилось, и она замерла под одеялом, надеясь, что незваный гость уйдёт сам. Стояла уже глубокая ночь; стражники не стали бы беспокоить её по пустякам, и даже тогда они бы обязательно постучали.

Значит, пришёл не стражник. А раз пришёл не стражник, то кто-то проскользнул мимо них.

Эмилия медленно сняла с себя книгу, за чтением которой уснула, и тут же пожалела, что несколько дней назад отказалась взять нож, который сестра умыкнула из кухни. Тогда она посмеялась над ней, но теперь паранойя Шарлотты перестала казаться ей бредом. Неужели она что-то знала? Или начала догадываться, что нечто подобное может произойти, когда Эмилия во всём ей призналась. Но Эмилия была уверена, что никакой нож не понадобится. Здесь им ничего не должно угрожать...

Где-то между кроватью и дверью скрипнула половица. Эмилия замерла. Вошедший ещё не знал, что она проснулась, и это стало бы для него неожиданностью. Но если бы она закричала...

— Эмилия?

Вспыхнул свет, и Эмилия села так быстро, что комната закружилась перед глазами.

— Шарлотта, — выдохнула она. — Ты что тут делаешь?

— Я слышала какой-то шум, — ответила её сестра, шаркая по полу. Не спрашивая разрешения, она принялась копаться в вещах Эмилии, открывая шкафчики и вглядываясь в узкие щели между мебелью и стенами. — А ты ничего не слышала?

— Слышала, — едко отозвалась Эмилия, страх которой быстро сменился раздражением. — Тебя. Вот зачем ты меня разбудила?

Не обращая внимания на её тон, Шарлотта открыла шкаф, заглянула внутрь, тёмные кудри упали ей на лицо. Она была старше Эмилии всего на два года, зато почти на тридцать сантиметров выше, поэтому без проблем дотянулась до верхней полки, где ровными рядами лежали сложенные свитеры.

— Ты уверена? Не слышала никаких шагов, дыхания, скрежета?..

— Только тебя, — заверила Эмилия. — Что ты ищешь?

Шарлотта закрыла шкаф и опустилась на четвереньки, чтобы заглянуть под кровать.

— Сама знаешь. Если кто-то прошёл через стражу, то явно не в человеческом обличье.

Эмилия фыркнула.

— Как будто я бы сама не справилась с нападением. Это я Наследница, а не ты.

Между ними будто встала ледяная стена, и Шарлотта выпрямилась, глядя сестре прямо в глаза.

— Если бы ваша кровь делала вас неуязвимыми, Бэк бы сейчас был с нами.

Эмилия промолчала, борясь с желанием поёжиться под пронизывающим взглядом сестры. Ей нечего было ответить, потому что никакие остроумные возражения не могли опровергнуть простую истину: Шарлотта была права.

— И, кстати, — пару секунд спустя добавила Шарлотта, — ты даже драться не умеешь. И книжка тебе не поможет. Или ты научилась нормально целиться?

Только тогда Эмилия осознала, что до сих пор держит в руках книгу, и с резким выдохом бросила её на подушку. Она присмотрелась к сестре: у Шарлотты под глазами залегли тёмные круги, и вся она была напряжена, словно в любой момент была готова сорваться с места. Словно готова была броситься в бой — решающий бой в её жизни.

Эмилия потянулась к сестре и успела схватить её руку, пусть Шарлотта и попыталась отдёргнуть её.

— Со мной ничего не случится, правда, — мягко сказала Эмилия. — Мы больше не будем так рисковать. Мы никому ничего не расскажем. Бэк не знал, какая опасность его ожидает. Он не был готов, но мы-то всё знаем. Со мной всё будет в порядке — главное, чтобы ты была рядом.

Шарлотта сглотнула, помолчала, а потом в ответ сжала руку Эмилии.

— Я не смогу тебя защитить, пока ты сама этого не захочешь, — сказала она дрожащим голосом. — Начни относиться к этому серьёзно. Пожалуйста.

— Я и так серьёзно к этому отношусь, — горячо заверила Эмилия. — Если хочешь, могу даже переночевать у тебя в комнате. Так тебе будет спокойнее?

Шарлотта кивнула, и всё её напряжение мгновенно испарилось.

— Спасибо.

Соскользнув с края кровати, Эмилия крепко её обняла.

— Даже не представляю, что бы я без тебя делала, — пробормотала она, уткнувшись лицом сестре в кудри. — Предупредишь стражников? А то отец решит, что я пропала, и устроит переполох.

Кивнув, Шарлотта на мгновение прижала её к себе ещё крепче, и лишь затем отпустила.

— Сейчас вернусь. Только попробуй снова уснуть.

Ухмыльнувшись, Эмилия проводила сестру взглядом. Но стоило той выйти из комнаты, улыбка её угасла, и с тяжёлым вздохом она пошла искать тапочки. С каждым новым днём тревога Шарлотты лишь усиливалась, и Эмилия не знала, как доказать ей, что пусть она и Наследница, но всё же не похожа на Бэка. То, что случилось с ним, с ней не повторится. И что с того, что она не умеет драться? Научится. Тем более вариантов у неё не было.

Продолжая поиски, Эмилия заглянула под кровать, но вновь услышала скрип половицы.

— Да сейчас я приду, — закатив глаза, сказала она. — Не надо так со мной нянчи...

Сухая ладонь закрыла ей рот, не дав договорить. Шумно втянув носом воздух, Эмилия попыталась вывернуться, но не успела ни закричать, ни сообразить что-нибудь — не успела даже представить хоть какое-нибудь животное, — как шею кольнуло остриё иглы.

И перед тем, как окончательно погрузиться в густую, затягивающую тьму, она успела подумать, что Шарлотта снова была права. Зря Эмилия не взяла тот кухонный нож.

ПТИЦА ВЫСОКОГО ПОЛЁТА

Впервые за учебный год зайдя в яму, Саймон Торн ощутил, как стекает по лбу капля пота, и всерьёз пожалел, что не может просто улететь оттуда подальше и никогда больше не возвращаться.

С трибун, окружавших песчаную арену, на него смотрело больше сотни учеников, чьи крики и свист раскатистым эхом отражались от каменного потолка. На одном из рядов, примерно посередине, Саймон заметил друзей, громко скандирующих его имя, но с трудом нашёл в себе силы им улыбнуться, а потом глубоко вдохнул, собираясь с силами. В конце концов, он бывал в ситуациях и похуже. Причин паниковать не было.

— Ты как, в порядке? — раздался за спиной низкий голос. Малкольм, его дядя — высокий широкоплечий мужчина с длинными тёмными волосами и испещрённым шрамами лицом, — хлопнул Саймона по плечу. — Вид у тебя какой-то невесёлый.

— Не хочу драться, — ответил он тихо и быстро, так, чтобы никто поблизости не услышал.

— Самозащита — самая важная часть боевой подготовки, — сказал Малкольм. — У тебя был целый год, чтобы прийти в себя, Саймон. Если откажешься участвовать в итоговом поединке...

— То не сдам экзамен, я в курсе, — пробормотал тот, стискивая руки в кулаки. Он понимал, почему дядя не может сделать для него исключение, но ведь он знал, что Саймон умеет постоять за себя. Об этом все знали. — А обязательно драться именно с Ноланом?

Дядя вздохнул.

— Обязательно, ты же знаешь.

На противоположной стороне ямы, на песке, неровном после прошедших ранее боёв, нетерпеливо переминался с ноги на ногу мальчик, похожий на Саймона как две капли воды, за исключением хищной ухмылки. Несколько ребят, на нашивках которых были изображены разные сухопутные звери, хлопали и выкрикивали его имя, а он угрожающе хрустел костяшками, наслаждаясь всеобщим вниманием.

Этого боя студенты Передового Результативного Института для Юных Талантов ждали весь год. Саймон много раз отказывался, несмотря на недовольство Нолана и мягкую поддержку дяди Малкольма. Сражение двух братьев — двух обладателей королевской крови — обещало стать крупнейшим событием за последние несколько лет, если не за всю историю школы.

— Вы оба сражаетесь от всего сердца, но только ты не забываешь включать голову, — сказал дядя, наклонившись к Саймону, чтобы никто больше его не услышал. — Нолана легко выбить из колеи. Воспользуйся этим.

Выбить Нолана из колеи было, может, и легко, но вывести из себя — ещё легче, и в этом-то и заключалась ос-

новная опасность. Нолан мог обострить ситуацию так, что тренировочный бой быстро бы перешёл в настоящий. И Саймон прекрасно знал, чем бы это закончилось.

Малкольм, выйдя на центр ямы, оглядел их обоих.

— Вы знаете правила, — произнёс он громко, чтобы услышали все, включая учеников на верхних трибунах. — Проигрывает тот, кто первым сдаётся. Убивать друг друга запрещено.

Бросив на них предостерегающий взгляд, Малкольм отошёл, оставляя их вдвоём. Саймон с усилием сглотнул. Горло пересохло настолько, что говорить было больно. Момент настал. Пути назад не было, и низкий гул встал в ушах, заглушая возгласы зрителей.

Он справится. Обязательно справится.

Дядя дал свисток, и Нолан не стал терять ни секунды. Распахнув рот в яростном вое, он бросился вперёд, а Саймон застыл. За последние восемь месяцев он представлял этот бой тысячу раз, но сейчас осознал, что так и не выработал стратегию. Разумеется, он знал, чего ждёт толпа и чего хочет от него дядя. Просто не мог заставить себя пойти на это.

Тело Нолана, несущегося ему навстречу, начало изменяться. Кожу покрыла серая шерсть, лицо вытянулось, показалась морда; ногти изогнулись острыми опасными когтями, а из-за спины показался хвост, длинный и покрытый всё той же грубой шерстью. К тому моменту, как его передние лапы впечатались в песок в паре метров от Саймона, он уже полностью обратился в волка.

— Дерись, — прорычал волк, оголяя клыки. — Дерись, ну!

— Не хочу, — тихо, чтобы никто не расслышал, ответил Саймон.

— Дерись, или пожалеешь, — сказал Нолан, пригибаясь перед прыжком. — Выбор за тобой.

Зарывав, он бросился на Саймона, прорезая воздух подобно ножу. Времени на раздумья не осталось. Да, весь год Саймон отказывался от тренировочных боёв, да, с самого сентября он практически не превращался в кого-либо, помимо птицы, но инстинкты его не пропали. И, в отличие от брата, приобрёл он их не в яме. Оттачивать их приходилось в сражениях, где на кону стояла собственная жизнь.

Тело отреагировало ещё до того, как разум осознал новый облик. За мгновение до удара Саймон тоже взмахнул лапой — внешне ничем не отличающейся от лапы брата. Его когти прошли по морде Нолана, и тот взвыл от боли, а серая шерсть намочила от выступившей крови.

Нолан попытался отскочить, но было поздно. Саймон уже прыгнул — и приземлился он брату на спину, впиваясь зубами в его загривок. Теперь волк дрался против волка, и никто не мог получить преимущество — по крайней мере, оставаясь в одинаковом облике. И Нолан, пытающийся сбросить с себя Саймона, это осознал.

— Отвали... от... меня!

Неожиданно волк под его лапами резко уменьшился, и Саймон врезался в песок с такой силой, что пошатнулся и непроизвольно отступил к краю ямы. Он знал, что будет дальше. Весь год наблюдал, как Нолан дерётся с другими студентами — студентами, которые, как и остальные анимоксы, умели превращаться только в одно животное. И хотя бои всегда начинались на равных, его брат не мог устоять и не покрусоваться. Потому что они с Саймоном отличались от остальных учеников ПРИЮТа, и именно благодаря этой особенности на их сражение пришли посмотреть даже те, кому стоило бы готовиться к экзаменам, а не сидеть на трибунах.

За ними наблюдала вся школа — и Нолан был готов дать зрителям то, ради чего они собрались.

— Ну что, сдаёшься? — прошипел он. Саймон медленно развернулся. Волк пропал; на его месте появился техасский гремучник, свернувшийся тугими кольцами и готовый к нападению.

— Да, — ответил Саймон. Он был бы рад, если бы на этом всё и закончилось, но, к сожалению, под восторженные крики толпы змей бросился на него, целясь ядовитыми клыками в горло.

Инстинкты снова взяли верх: шерсть сменила сухая чешуя, а руки и ноги слились воедино. Всё тело наполнила сила, невероятная, непостижимая для обычного человека, и снова он обернулся тем же животным, что и его брат.

Нолан промахнулся буквально на миллиметр и рухнул носом в песок. Но поднялся, откашливаясь.

— Хватит меня копировать, — рявкнул он. — Вся школа смотрит!

— Если боишься, что им надоест, можешь просто сдаться, — заметил Саймон, прекрасно понимая, что Нолан скорее отгрызёт себе хвост. Да, драться ему не хотелось, — но он был бы совершенно не против, если бы брат, окончательно взбесившись, сдался сам.

И всё же Саймон знал, что Нолана устроит только абсолютная победа. Гремучник зашипел — так громко, что по яме прокатилось эхо, — и под рёв толпы вновь сменил облик.

Так бой и продолжился. Саймону казалось, что он тянулся часами, хотя прошло всего несколько минут. В какое бы животное Нолан ни превращался, Саймон повторял за ним. Аллигаторы, осы, бурые медведи, пумы — они даже стали парой каймановых черепах. Одну за другой они меняли формы, и несложно было заметить, что Нолан готов превращаться в любых животных — кроме одних.